

Интертекстуальность как фактор создания диалогического пространства в повести Н.С. Лескова «Зимний день»

Повесть Н. С. Лескова «Зимний день» (1894), в основе сюжета которой – реальный судебный процесс 1880-х гг., – подчеркнута литературна. Насыщенность этого произведения Лескова значительным числом цитат и реминисценций обуславливает важность интертекстуального анализа текста, раскрытия системы литературно-стилистических призм, через которые пропущены изображаемые писателем события. Рассмотрим повесть «Зимний день» в контексте стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Нимфы» (1882) и лирической драмы А.Н. Майкова «Три смерти» (1857) и определим специфику актуализации писателем «чужого» текста.

Подчеркивая необходимость соотнесения повести «Зимний день» с стихотворением в прозе Тургенева «Нимфы», Лесков использует атрибутированную цитату: «Вы это сказали так, как будто хотели сказать: "Умер великий Пан". – А вы на это "сверкнули", как Диана ... Кажется, ведь это так у Тургенева?» [4: 17-18]. Выбирая для цитирования этот фрагмент претекста, писатель акцентирует основной конфликт произведения Тургенева: столкновение природы и культуры. Для его реализации Тургеновым вводятся образы олицетворяющего обожествленную дикую природу Пана и римской богини неокультуренной природы Дианы.

В тексте Тургенева в образе римской богини, являющейся символом гармоничной природы, подчеркивается ее телесная красота: «мраморная белизна волнистой туники» [2: 536], «живая алость обнаженного тела» [2: 536], «она выше и прекраснее всех, – колчан за плечами, в руках лук, на поднятых кудрях серебристый серп луны...» [2: 125]. Актуализация тургеновского текста позволяет Лескову подчеркнуть своеобразие собственной интерпретации образа античной богини. Писатель проводит аналогию между внешностью героини повести Лидии и Дианой, но акцентирует внимание не столько на теле, сколько на взгляде Лидии: «У нее стройная, удивительной силы и ловкости фигура, в самом деле, напоминающая статуэтку Дианы из Танагры и милое целомудренное выражение лица с умными и смелыми глазами» [4: 23]. Лесков подчеркивает духовную красоту Лидии, противопоставляя ее «умные и смелые глаза» [2: 23] «расширенным» [2: 537] «в смертельном ужасе» [2: 125] глазам тургеновской Дианы. Лесков отвергает прочтение образа Дианы как воплощения совершенной телесной красоты: «– Я не помню, как сверкала Диана. – А это так красиво! – Не знаю уж, куда и деться от всякой красоты!» [4: 17] и использует образ римской богини как символ целомудрия, внутренней, духовной силы героини своей повести.

Изменение характерной для тургеновского текста интерпретации образа Дианы связано в повести Лескова с переосмыслением свойственной претексту натурфилософской проблематики. В стихотворении в прозе

«Нимфы» столкновение между природным и культурным началом реализуется как конфликт двух миров, древне-греческого языческого и христианского. Изложенная древнегреческим историком Плутархом в сочинении «Об упадке оракулов» (гл. 17) легенда о смерти «Великого пана», традиционно трактуемая как символ победы христианства над язычеством, интерпретируется Тургеневым в контексте свойственных ему размышлений о соотношении жизни природы и жизни человека. Гармоничные отношения человека и природы, характерные, по мысли писателя, для античной цивилизации, исчезают вместе с ее упадком и с возникновением христианства. Противостояние языческого и христианского мира оборачивается остро переживаемым Тургеневым конфликтом между торжествующей бесконечностью природы и конечностью человеческой жизни. «Золотой крест на белой колокольне христианской церкви» [2: 537], противопоставленный «цепи красивых гор» [2: 536], «молодому зеленому лесу» [2: 536], «проворным ручьям» [2: 536], становится в тексте парадоксальным символом не вечной жизни, но смерти, связанной, по логике писателя, с непреодолимым разрывом между природой и человеком, природой и культурой.

Лесковым отвергается близкая мировоззрению Тургенева философия пантеизма и преклонение перед стихийной гармонией природной жизни. Писатель придерживается представления о присутствии в человеке телесного, душевного и духовного начала и видит проявления природного в человеке, прежде всего, в потребностях и желаниях тела. Героям повести, признающим «за настоящие "дела" – только одни дела природы, которая множит жизнь, не заботясь о том, в чем ее смысл и значение» [4: 54], писатель противопоставляет образ целомудренной «Дианы, пуританки, квакерки» [4: 17] Лидии, тем самым проводя идею о необходимости для человека разумного контроля над стихийным, телесным, иррациональным началом. Заострение писателем внимания исключительно на негативных последствиях человеческой чувственности способствует созданию отношений напряжения между душой и телом человека, между нравственностью и природой.

Размышляя над проблемой соотношения в человеке телесного и духовного начала, Лесков привлекает и любимую им, по воспоминаниям А. М. Хирьякова [3: 451], лирическую драму А. Майкова «Три смерти». Атрибутированную цитату из поэмы автор использует в диалоге осуждающих Лидию Павловну дам: «Нашу славу и могущество они ведь не высоко ставят. И вообразите, они утверждают это на Майкове: Величие народа в том, Что носит в сердце он своем» [4: 26].

«Три смерти» входит в лирическую трилогию Майкова, посвященную эпохе упадка древнеримской империи. Использование текста Майкова позволяет Лескову выявить аналогии между изображаемым поэтом римским обществом времен Нерона и современной писателю действительностью. Писатель проводит параллели между развращенными римлянами и живущими исключительно материальными и плотскими интересами героями

повести. Идеал же любви к ближнему, самопожертвования и всепрощения, связанный в трилогии Майкова с христианским учением, в повести Лескова выражен в образе Лидии Павловны.

Противостояние между уходящим в прошлое античным миром и зарождающимся христианством в произведении Майкова связано с изображением двух «противоположных начал» [1: 16]: «чувственности и духовности, жизни внешней и внутренней» [1: 16]. Внимание Майкова в лирической драме «Три смерти» сосредоточено на изображении двух основных мировоззрений, характерных для римской античности, эпикурейства и стоицизма. Любви к наслаждениям и земным благам, связанным с образом эпикурейца Люция, писатель противопоставляет нравственную стойкость философа Сенеки, по легенде, беседовавшего с апостолом Павлом и предвидящего конец римской империи и утверждение нового, христианского мировосприятия: «Наш век прошел. Пора нам, братья! / Иные люди в мир пришли... И, может быть, иной придет / И скажет людям: "Вот где свет!"» [1: 32]. Между тем, утверждая христианский идеал, Майков, подобно Тургеневу, сочувственно рисует и эпикурейское отношение к миру, что ярко проявляется в изображении гармоничной смерти влюбленного в жизнь и красоту Люция: «И на коленях девы милой / Я напряженной жизни силой / В последний раз упыюсь душой» [1: 46]

Возможность жизни наслаждениями как тела, так и духа ставится Лесковым в повести «Зимний день» под сомнение. Писатель показывает негативные последствия, к которым может привести не ограниченная религиозными или культурными рамками животная чувственность. Лесков утверждает важность контроля над инстинктом, подчеркивает, что только голос разума создает морально свободного человека из предоставленного природой «сырья» животной личности.

Повесть Н. С. Лескова «Зимний день» представляет собой сложное художественное единство, особенности семантики которого формируются на основе диалога нескольких литературных систем. Анализ повести Н. С. Лескова «Зимний день» в контексте стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Нимфы» и лирической драмы А. Н. Майкова «Три смерти» показывает, что писатель создает сложную семантическую систему, предполагающую возможность разных уровней прочтения текста. Интересующие Лескова проблемы в дополняющих друг друга контекстах обретает натурфилософские (определяемые размышлениями о соотношении в человеке природного и культурного начала) и историософские (возникающие в связи с противопоставлением античной и христианской цивилизаций) коннотации. На первый план в повести выходит смыслообразующий потенциал интертекстуальности, ее способность выступать как средство построения смысла произведения.

Интертекстуальные отсылки к произведениям И. С. Тургенева «Нимфы» и А. Н. Майкова «Три смерти» становятся средством ведения литературной полемики, позволяя Лескову акцентировать своеобразие собственной антропологии. Высказывая идеи о необходимости разумного

контроля над природным (животным) началом, писатель утверждает невозможность «жизни без рассуждения», следуя инстинктам.

Ассоциативные связи, формируемые текстом повести, при всем их многообразии являются целенаправленными, свидетельствуя о смысловой целостности текста. Старое и новое в произведении формируют единое текстовое пространство, свое и чужое интенсивно взаимодействуют друг с другом. Полемическое освещение актуализируемых в произведении Лескова мотивов сохраняет индивидуальность чужого слова в акте его репрезентации, что позволяет говорить о том, что феномен смысла в повести рождается, обновляется и обогащается только в диалоге, при учете привлекаемых автором контекстов.

Литература

1. Лесков и семья А. М. и Е. Д. Хирьяковых // Неизданный Лесков. Книга 2. М. : ИМЛИ РАН, "Наследие", 2000. С. 427-471.
2. Лесков Н. С. Зимний день // Лесков Н. С. Собр. соч. в 12 тт. Т. 12. М. : Правда, 1989. –С. 3-54.
3. Майков А. Н. Три смерти // Майков А. Н. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. – М. : Правда, 1984. С. 5 – 48.
4. Тургенев И. С. Нимфы // Тургенев И. С. Избранное. М. : Современник, 1979. С. 536-537.